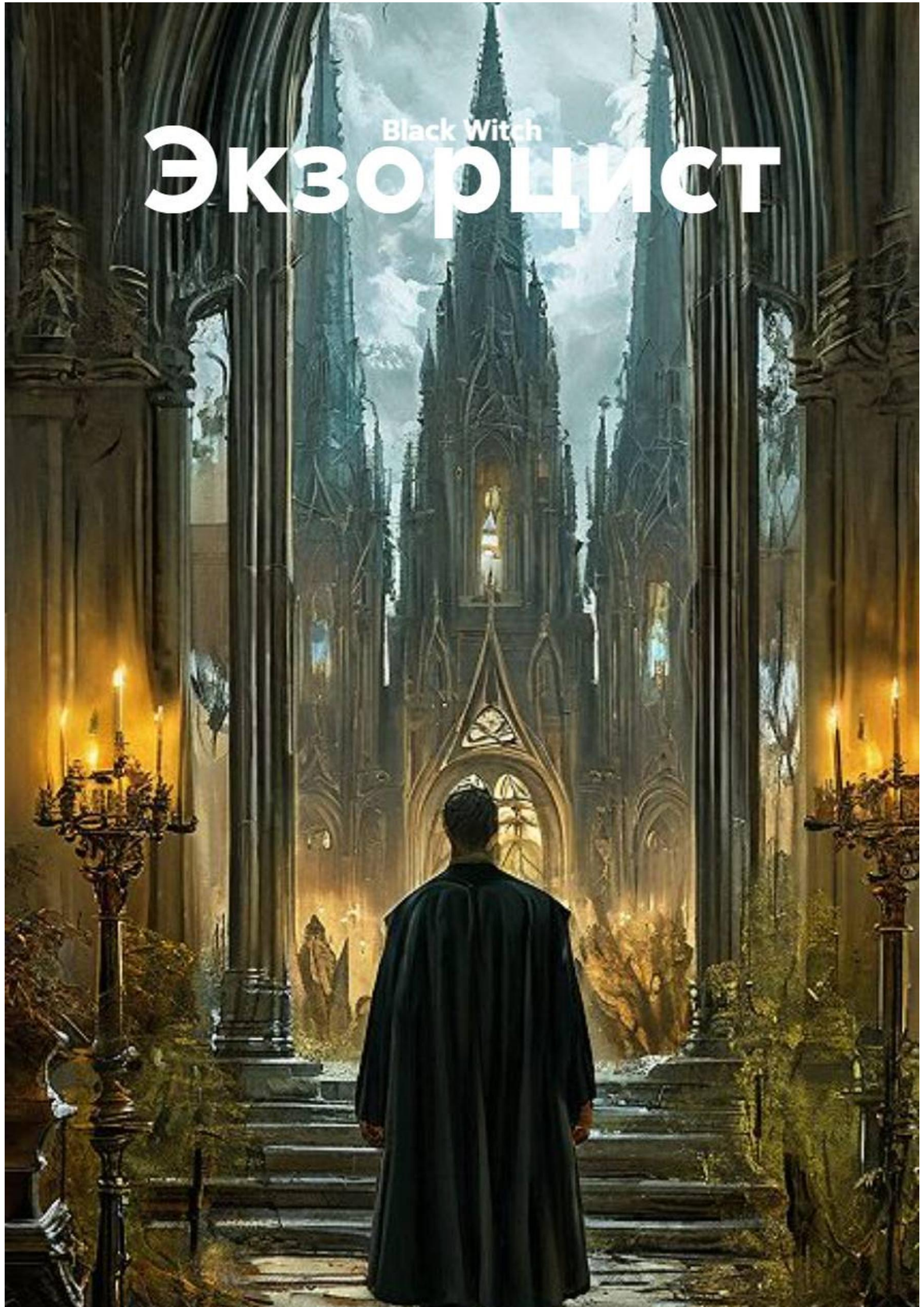

Black Witch

ЭКВОРЦИСТ

Black Witch

Экзорцист

«Автор»

2026

Witch B.

Экзорцист / В. Witch — «Автор», 2026

Томас с детства мечтал стать священником. Он верил, что свет можно нести даже туда, где люди давно привыкли жить во тьме. Но когда его младшую сестру Энни убил демон, вера Томаса перестала быть тихой молитвой и превратилась в оружие. Годы спустя он стал экзорцистом — человеком, которого звали туда, где стены шептали чужими голосами, дети говорили на мёртвых языках, а зеркала отражали не тех, кто в них смотрел. Томас побеждал зло снова и снова, пока однажды не столкнулся с сущностью, которую невозможно изгнать обычным обрядом. Чтобы спасти город и души тех, кто ещё жив, ему придётся обратиться за помощью к давним знакомым — магам, с которыми его связывает тяжёлое прошлое и взаимное недоверие. Вместе им предстоит войти в самое сердце тьмы и доказать, что даже в аду можно зажечь свет.

Содержание

Пролог	5
Девочка у окна	5
Глава 1	7
Человек с чёрным чемоданом	7
Глава 2	10
Дом, где молятся шёпотом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Экзорцист

Пролог

Девочка у окна

Когда Томасу было двенадцать, он верил, что Бог говорит с людьми через свет.

Через тонкий луч, падающий на церковный пол сквозь витраж. Через дрожание свечного пламени. Через утреннее солнце, ложащееся на лицо матери, когда она спала в кресле после долгой смены в больнице.

Он часто думал, что если однажды станет священником, то научится понимать этот язык света. Не сразу, конечно. Сначала будет мыть полы в храме, прислуживать на службах, читать толстые книги с золотыми буквами на корешках. Потом, если хватит терпения и веры, он получит право говорить людям слова, после которых им станет легче дышать.

Его младшая сестра Энни смеялась над этим.

— Ты будешь самым скучным священником на свете, Том.

— Почему?

— Потому что ты даже грешников будешь ругать тихо.

Она была младше его на пять лет, носила рыжие волосы в двух неаккуратных косах и постоянно пачкала колени. В отличие от Томаса, Энни не умела ходить спокойно. Она бежала по жизни так, будто боялась опоздать на собственное чудо.

Именно она первой услышала голос в стене.

Это случилось в ноябре. Дом тогда часто скрипел по ночам: старые балки, ветер в водосточных трубах, крысы на чердаке. Обычные звуки старого района, где дома стояли плечом к плечу, как усталые люди в очереди за дешёвым хлебом.

Энни пришла к Томасу перед сном. В руках она держала своего плюшевого кролика с оторванным ухом.

— Том, там кто-то говорит.

Он отложил книгу о житиях святых.

— Где?

— В моей комнате.

— Мама дома?

— Спит.

Томас взял фонарик, потому что хотел казаться взрослым. Он пошёл за Энни по коридору. Половицы холодили босые ноги. Дом был тихим, только где-то внизу тикали часы.

В комнате Энни пахло яблочным мылом и карандашной стружкой. На стене висели её рисунки: солнце, дом, мама, Томас в чёрной сутане, хотя никакой сутаны у него, конечно, не было.

— Вот там, — прошептала Энни и показала на угол возле окна.

Томас посветил фонариком. Ничего. Обои чуть отклеились у плинтуса. За стеклом шёл дождь.

— Это ветер.

— Нет. Он знает моё имя.

Томас хотел улыбнуться, но не смог. В комнате вдруг стало очень холодно.

— Что он говорит?

Энни опустила глаза.

— Что ты уйдёшь в церковь, а я останусь одна.

Томас сел рядом с ней на кровать.

— Я никуда не уйду.

— Врёшь.

Это сказала не Энни.

Голос был низким, сухим, будто кто-то провёл ногтем по внутренней стороне гробовой крышки. Томас вскочил. Фонарик выпал из его руки и покатился под кровать, освещая снизу игрушки, тапочки и маленькие ноги сестры.

Энни стояла у окна.

Только что сидела рядом, а теперь стояла у окна.

Лицо её было обращено к стеклу, но в отражении Томас увидел её улыбку. Широкою, чужую, слишком взрослую.

— Энни, отойди.

— Он говорит, что свет врёт, — сказала она.

— Кто?

Девочка повернулась.

Её глаза были полностью чёрными.

Томас закричал.

Мать проснулась. Соседи потом говорили, что слышали шум, плач, молитвы и звук бьющегося стекла. Приехал священник из ближайшего прихода. Потом ещё один. Затем врач. Потом полиция.

Но всё это было уже после.

До этого была комната, где обои покрылись мокрыми пятнами в форме ладоней. Была Энни, говорившая на языке, которого никто из живых в этом доме не знал. Было распятие, треснувшее в руках старого отца Михаила. Был голос из угла, произнёсший имя Томаса так нежно, словно звал его домой.

И была тишина.

Самая страшная тишина в жизни Томаса наступила перед рассветом, когда Энни перестала дышать.

На её маленькой ладони остался ожог в форме перевернутой звезды.

Отец Михаил сказал потом:

— Это была не болезнь.

Мать плакала так, будто из неё вынимали душу по кускам.

А Томас стоял у окна и смотрел, как первые лучи солнца ложатся на пол. Он ждал, что свет скажет ему хоть что-нибудь.

Свет молчал.

В тот день Томас впервые понял: если тьма умеет говорить, значит, кто-то должен научиться отвечать ей.

Глава 1

Человек с чёрным чемоданом

Спустя двадцать три года Томас Блэйк приехал в город Грейвенхилл в ночь, когда дождь падал с неба так тяжело, будто кто-то наверху решил утопить землю.

Таксист довёз его до конца улицы и отказался ехать дальше.

— Дом там, за поворотом, — сказал он, не глядя на пассажира. — Но я туда не поеду.

Томас посмотрел через мокрое стекло. За дворниками расплывались жёлтые фонари, тёмные фасады домов и силуэт церкви без креста на шпиле. Крест, кажется, сорвало бурей. Или кто-то снял его намеренно.

— Почему? — спросил Томас.

Таксист нервно постучал пальцами по рулю.

— Там собаки не лают.

— И всё?

— Для меня достаточно.

Томас расплатился, взял с заднего сиденья чёрный кожаный чемодан и вышел под дождь.

Он был высоким мужчиной сорока с небольшим лет, худым, с усталым лицом и глазами человека, который слишком часто видел то, о чём остальные предпочитали молчать. На нём было тёмное пальто, старое, но чистое. Под пальто — чёрная рубашка с белым воротником. На правой руке — тонкий шрам от запястья до локтя, оставленный существом, которое называло себя князем лестниц и умело ползать по потолку.

В чемодане лежали вещи, не похожие на инструменты обычного священника: серебряный крест, флакон святой воды, старый трюбник, соль, железные гвозди, восковые свечи, диктофон, связка ключей без замков, нож с рукояткой из оливкового дерева и маленький детский медальон.

Медальон принадлежал Энни.

Томас всегда носил его с собой, хотя знал, что память — плохой амулет. Она защищает не от зла, а от забвения. Иногда этого достаточно.

Дом, к которому его вызвали, стоял в конце улицы. Трёхэтажный, кирпичный, с заколоченными окнами на первом этаже и живым светом на втором. Перед крыльцом росло старое дерево. Все листья на нём были чёрными, хотя до зимы оставался месяц.

Дверь открыла женщина лет тридцати пяти. Лицо измученное, губы искусаны, волосы собраны в небрежный пучок.

— Отец Томас?

— Просто Томас. Если вам так легче.

— Я Мэри Коллинз. Это мой сын. Я звонила.

Она отступила, пропуская его внутрь.

В доме пахло сыростью, лекарствами и чем-то ещё. Сладковатым. Гнилым. Томас знал этот запах. Так пахнут комнаты, где слишком долго держали открытой дверь не туда.

— Где мальчик?

— Наверху.

— Кто-нибудь ещё в доме?

— Моя сестра. Она с ним. Врач уехал час назад.

— Что сказал врач?

Мэри улыбнулась без радости.

— Что у Ноя стресс. Что ему нужно наблюдение. Что голоса, которыми он говорит, это психологическая реакция.

Сверху донёлся глухой удар.

Потом второй.

Потом детский смех.

Мэри вздрогнула.

— Ему девять, отец. Он весит тридцать килограммов. А кровать сегодня утром стояла на потолке.

Томас поднял глаза к лестнице.

— Когда началось?

— Три недели назад. После того как мы нашли в подвале старую дверь.

— Какую дверь?

— Её раньше не было.

Томас поставил чемодан на пол и медленно выдохнул.

Новые двери в старых домах редко вели в хорошие места.

Они поднялись на второй этаж. Чем выше Томас поднимался, тем холоднее становился воздух. На стенах висели семейные фотографии. На каждой лицо Ноя было поцарапано. Не ножом. Ногтями. Изнутри рамки.

Возле двери детской стояла молодая женщина с кухонным ножом в руке. Она плакала, но руку держала крепко.

— Это моя сестра, Лора, — сказала Мэри.

Лора посмотрела на Томаса.

— Если вы не поможете, я его убью.

Мэри закрыла рот ладонью.

Томас не осудил женщину. Он видел такое раньше. Демоны редко начинают с тела. Сначала они ломают тех, кто любит жертву. Доводят мать до ненависти, брата до предательства, отца до петли. Зло любит, когда человек сам завершает его работу.

— Дайте мне нож, — тихо сказал Томас.

— Вы не понимаете.

— Понимаю.

— Нет. Он говорил голосом моего умершего мужа.

— Они всегда так делают.

Лора медленно протянула нож. Томас взял его двумя пальцами и положил на столик в коридоре.

Из-за двери раздался голос мальчика:

— Томас Блэйк.

Мэри побледнела.

— Я не называла ему вашу фамилию.

— Знаю.

Голос за дверью стал мягче.

— Ты всё ещё носишь её медальон?

Томас замер.

Дом вокруг словно перестал дышать.

— Отец? — прошептала Мэри.

Томас открыл чемодан. Вынул крест, флакон воды, требник и мел. На двери детской комнаты изнутри медленно проступили буквы, будто кто-то писал пальцем по запотевшему стеклу.

ЭННИ ПЛАКАЛА, КОГДА УМИРАЛА.

Лора тихо застонала.

Томас закрыл глаза.

Внутри него поднялась старая боль — чёрная, знакомая, выученная наизусть. Она пришла, как всегда, с запахом дождя, с образом маленькой комнаты, с голосом сестры у окна.

Но Томас давно научился не позволять боли держать нож.

Он приложил ладонь к двери.

— Открой, — сказал он. — Мы поговорим.

Детский смех оборвался.

Замок щёлкнул сам.

Глава 2

Дом, где молятся шёпотом

Комната Ноя была похожа на поле после битвы.

Игрушки валялись в углах, пол был покрыт трещинами, стены исписаны словами на латыни, греческом, арамейском и ещё одном языке, который Томас видел только однажды — в подземной часовне под Марселем, где монах без глаз охранял книгу, переплетённую в человеческую кожу.

Ной сидел на кровати.

Маленький худой мальчик в серой пижаме. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Руки лежали на коленях. На первый взгляд он казался спокойным.

Только ноги его не касались пола.

Он висел в десяти сантиметрах над матрасом.

— Здравствуй, Ной, — сказал Томас.

Мальчик поднял голову.

Его глаза были обычными. Карими. Испуганными.

— Помогите, — прошептал он.

Мэри рванулась к сыну, но Томас остановил её рукой.

— Не входите.

— Но он...

— Не входите.

Ной вдруг улыбнулся. Улыбка не принадлежала ребёнку.

— Хороший пёс, — сказал он голосом старухи. — Сидеть. Ждать. Молиться.

Томас вошёл в комнату один и закрыл за собой дверь.

Воздух сразу стал плотным, как вода. Каждое движение давалось с усилием. На полу вокруг кровати был круг из засохшей грязи. Нет, не грязи. Пепла и крови. Очень старой крови.

— Кто тебя пригласил? — спросил Томас.

Мальчик повернул голову набок.

— Ты.

— Ложь.

— Все двери, которые ты закрывал, открывались в другом месте. Все имена, которые ты сжигал, оставляли дым. Ты думал, что изгоняешь нас? Нет, Томас. Ты просто гнал нас по коридорам мира. И вот мы нашли широкий зал.

— Как твоё имя?

Существо рассмеялось.

Окно треснуло от угла до угла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.